

ВСЕРОССИЙСКАЯ
ОЛИМПИАДА
ШКОЛЬНИКОВ
2019/2020

БЛАНК №

1	1	-	0	6	
---	---	---	---	---	--

Региональный этап ВсОШ 2019/2020 учебного года
по предмету «ЛИТЕРАТУРА»

Фамилия, имя, отчество полностью:

Пикалова Мария Павловна

Число, месяц, год рождения (ДД.ММ.ГГГГ):

21.09.2002

Класс учащегося:

11^а

За какой класс учащийся пишет работу:

11

Полное название образовательной организации по уставу:

Муниципальное кадетское общеобразовательное учреждение
Кизилерская гимназия №1

Название района или города:

г. Кизилер

Дата:

28.01.2020

Подпись:

39

615

Шифр работы _____

11-06

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2019-2020 г.

Региональный этап. 11 класс

Лист для ответов

Задание №1.

Впишите фамилию автора и название произведения в соответствующую графу таблицы.

№ задания	Ответ	Балл (заполняется проверяющими)
1.1.	Чистый пометельник	1
1.2.		0
1.3.	Горький "Макар Чудра"	0,5
Суммарный балл за задание №1		1,5

Задание №2.

Впишите названия литературных течений в соответствующую графу таблицы.

№ задания	Ответ	Балл (заполняется проверяющими)
2.1.	ФУТУРИЗМ → АКМЕИЗМ	0
2.2.	АКМЕИЗМ → ФУТУРИЗМ	0
2.3.	СИМВОЛИЗМ	1
Суммарный балл за задание №2		1

Задание №3.

Впишите фамилии авторов стихотворных фрагментов и тех поэтов, которым эти строки посвящены, в соответствующую графу таблицы.

№ задания	Автор стихотворного фрагмента	Поэт, которому посвящены строки	Балл (заполняется проверяющими)
3.1.	Маяковский	Есенин	1
3.2.	Белый	Блок	0
Суммарный балл за задание №3			1

Подписи проверяющих:

3,5 + 3,5 + 2,0

43-38

5-20

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2019–2020 учебный год

Региональный этап

11 класс

Задание №1 (3 балла).

Определите литературное произведение по трём деталям / фактам / эпизодам. Фамилию автора и название произведения впишите в Лист ответов, в соответствующую номеру задания графу таблицы.

1.1. Ежевечерний маршрут главного героя пролегает от Красных ворот к храму Христа Спасителя;

с героиней он знакомится на лекции Андрея Белого по теории стиха; в одну из своих прогулок по городу они ищут, но не находят дом Грибоедова.

1.2. Другая жизнь, вероятно, существует, но только за Зеленой Стеной;

расписание железных дорог объявлено литературным памятником; в детстве герой заплакал, когда узнал о существовании иррациональных чисел.

1.3. Одним из первоначальных вариантов названия произведения было «Без солнца»;

по ходу сюжета количество действующих лиц заметно убывает;

последний из убывших, по мнению оставшихся, – «дурак» и «испортил песню».

Задание №2 (3 балла).

По фрагментам из литературных манифестов рубежа XIX–XX вв. определите, поэтика каких модернистских течений в каждом из них охарактеризована. Впишите название литературного течения в Лист ответов в соответствующую графу таблицы.

2.1. Существо творчества в образах разделяется так же, как существо человека, на три вида – душа, плоть и разум.

Образ от плоти можно назвать заставочным, образ от духа корабельным и третий образ от разума ангелическим. Образ заставочный есть, так же как и метафора, уподобление одного предмета другому ... Корабельный образ есть уловление в каком-либо предмете, явлении или существе струения, где заставочный образ плывет, как ладья по воде. Ангелический образ есть сотворение или пробитие из данной заставки и корабельного образа какого-нибудь окна...

2.2. ...Роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь ещё. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой

мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не притянутой под её покров политикой. И не только роза, звезда Маир, тройка – хороши, т. е. не только хорошо всё уже давно прекрасное, но и уродство может быть прекрасно. После всех «неприятий» мир бесповоротно принят <...>, во всей совокупности красот и безобразий.

2.3. Символ пробуждает музыку души. Когда мир придет в нашу душу, всегда она зазвучит. Когда душа станет миром, она будет вне мира. Если возможно влияние на расстоянии, если возможна магия, мы знаем, что ведёт к ней. Усилившееся до непомерного музыкальное звучание души – вот магия. Чарует душа, музыкально настроенная. В музыке чары. Музыка окно, из которого льют в нас очаровательные потоки Вечности и брызжет магия.

Задание №3 (4 балла)

Кто и о ком написал эти строки? Впишите фамилии авторов стихотворных фрагментов и тех поэтов, которым они посвящены, в Лист ответов в соответствующие графы таблицы.

3.1. Были б живы –
 стали бы
 по Лефу соредатор,

Я бы
 и агитки
 вам доверить мог.

Раз бы показал:
 – вот так-то, мол,
 и так-то...

Вы б смогли –
 у вас
 хороший слог.

Я дал бы вам
 жиркость
 и сукна,

в рекламу б
 выдал
 гумских дам.

(Я даже
 ямбом подсюсюкнул,
чтоб только
 быть
 приятней вам.)

3.2. Он, сам себя сравнивший с конским глазом,

Косится, смотрит, видит, узнаёт,

И вот уже расплавленным алмазом

Сияют лужи, изнывает лёд.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, брёвна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьёт прибоем
И вдруг притихнет, – это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

Задание №4 (60 баллов).

**Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного произведения
(ОДНОГО – на ваш выбор).**

Вячеслав Пьецух (1946–2019)

О вреде чтения

Павел Зюзин – с виду обыкновенный сорокалетний мужик, однако с точки зрения социальной психологии это такая исключительная фигура, что на всякий случай его следует описать. Он невысок ростом, коротконог, головаст, лицо у него нездорового цвета, растительность на нем скудная, уши непропорционально значительные, как у слона, глаза – маленькие, серые с искрой, расставленные до неприятного широко, – глядят они так лукаво-печально, что в худшем случае испугаешься, а в лучшем – насторожишься. Зимой и летом он носит одно и то же: допотопную вельветовую куртку, которые в свое время назывались «бобочками», дешёвые штаны из «чёртовой кожи», на голове – вязаную кепку, на ногах – гигантские кирзовые сапоги. Если хорошенько к нему приглядеться, то приходит на мысль, что в прошлом столетии он был бы среди тех, кто нищенствует, пророчествует и идёт на костер из-за всякого пустяка.

Вообще этот человеческий тип сквозит нездоровьем, но Павел Зюзин за всю свою жизнь даже ни разу не простудился. Одно только в этом смысле в нём подозрительно – то, что он совершенно не способен к какому бы то ни было созидательному труду. Ну, не может человек работать, всё у него из рук валится, и хоть ты, как говорится, кол на голове теши! В разное время совхозное начальство пробовало его в должности плотника, полевода, конюха, электрика, истопника общественной бани, шорника-надомника и даже собирателя лекарственных трав, но ни на одной из этих должностей он больше недели не продержался.

Важно заметить, что Павел и сам был не рад тому, что ему не дается общественно полезная деятельность, и, дезертировав с очередного производственного участка, он всякий раз уезжал к тётке в Новый Иерусалим. В конце концов Павла определили на срамную по его годам должность ночного сторожа при конторе. С этим назначением он смирился.

Зато у Павла Зюзина есть «одна, но пламенная страсть» – чтение. Читать он выучился противоестественно рано, года в четыре, и с той поры уже ничем, кроме чтения, серьёзно не занимался. Читает он, главным образом, художественную литературу, но иногда навалится и на исторические исследования, трактаты, толковые словари. Гнушается он только критическими статьями, и поэтому до такой степени невежествен в этой области, что считает Белинского малозначительным драматургом. Из-за страсти к чтению он много претерпел в жизни: со школой ему пришлось расстаться в четвёртом классе, ровесники над ним всегда надсмехались, и ни одна девушка в округе не принимала его всерьёз, так как левой рукой он мог, конечно, делать все то, что полагается делать нормальным парням, но при этом в правой руке будет обязательно держать книгу. Вообще книга – такая же принадлежность его фигуры, как кнут у пастуха, или дизельный дух у механизатора, или очки у бухгалтера Ковалева.

Поскольку здешний народ до такой степени занят в сельскохозяйственном производстве, что ему, как говорится, головы поднять некогда, и Павел Зюзин на всю деревню единственный читающий человек, как-то сама собой сложилась следующая традиция: время от времени Павел рассказывает односельчанам о книгах, которые он читал. Называется это «концертами» и происходит, в зависимости от разных причин, либо на бревнах, заготовленных для ремонта клуба поблизости от того места, где висит било, либо в самом клубе, либо на деревенском «пяточке», оборудованном возле столетнего дуба на предмет танцев и посиделок. Заслуживает замечания, что благодаря этим «концертам» деревня совершенно в курсе русской классической, зарубежной классической и текущей литературы. Тут знают таких авторов, о существовании которых рядовые читатели не подозревают даже в крупных культурных центрах. Из-за того, что Павел Зюзин читает за всю деревню, к его нетрудоспособности, в общем, относятся снисходительно.

Опишу один из таких «концертов».

Ближе к вечеру – если только пора не страдная, по телевизору не показывают ничего путного и стоит ведренная погода – человек двадцать-тридцать деревенских собираются, скажем, на брёвнах, заготовленных для ремонта клуба возле того места, где висит било, и посылают за Павлом бухгалтера Ковалева. Павел является серьёзный, с томом за пазухой, руки в брюки.

Кто-нибудь говорит:

– Ну и что у нас там новенького за отчётный период?

– Например, роман «Аэропорт», – отвечает Павел. – Автор Артур Хейли, американский писатель.

– Ничего?

– Ничего. Только нереально. Дикие у них какие-то люди. Я таких на практике не встречал.

– Слушай, Павел, – спросит его кто-то ещё, – а чего тебе стоит прочитать что-нибудь по агротехнике или ветеринарии?

– Чего не могу, того не могу.

Действительно, Павел на дух не переносит так называемую специальную литературу, и сколько, например, механизаторы ни упрашивали его прочитать книгу о реставрации подшипников и справочник по ремонту трактора «Беларусь», он их читать упорно не соглашался.

– Так, а на какую тему у нас сегодня концерт? – спросит бухгалтер Ковалев, который во всём любит определённость.

– Сегодня концерт на тему: «^{Старосветские} ~~старосветские~~ помещики». Автор – Николай Васильевич

Гоголь.

– Давно пора, – послышится чей-то голос. – Ты ведь, Паша, этих помещиков год читаешь.

– Так ведь я как читаю: чутко, вдумчиво, проникновенно. Бывают случаи, когда шестнадцать раз одно предложение прочитаешь, чтобы всецело освоить его художественное значение. Вот, скажем, предложение: «Ты горд, говорю я тебе, и еще раз повторяю тебе: ты горд». Это предложение, фигурально выражаясь, по калорийности равняется Полному собранию сочинений какого-нибудь Анатолия Иванова.

Такая несусветная критика в адрес всесоюзного авторитета вызывает у деревенских неодобрительный ропот, поскольку они всегда придерживались той позиции, что если человек способен составить десять слов в одно внятное предложение, то его не годится критиковать.

– Итак, повесть [?] Николая Васильевича Гоголя «Старосветские помещики», – продолжает Павел. – Но сначала, как всегда, напомним краткую биографию автора. Родился Николай Васильевич в начале прошлого века в деревне на Украине. Окончил Нежинский лицей – это такая школа, вроде нашего техникума. Потом переехал на жительство в Петербург, где начал свою литературную деятельность. Был холостым, бездомным, всегда без копейки денег – но это уже традиция. Умер в Москве сорока трёх лет отроду по неизвестной причине.

Последние слова Павел сопровождает многозначительным разведением рук, давая понять, что великие писатели – такой мудрёный народ, что им ничего не стоит умереть по неизвестной причине.

– «Старосветские помещики» были написаны... – на этих словах Павел достаёт из-за пазухи том и начинает его листать, – были написаны приблизительно в 1834 году, так как Гоголь начал над ними работать в конце тридцать второго года, а в тридцать пятом они уже вышли в свет. В чём там дело... Живут себе помещики, старички, он и она, бездетные. Её зовут Пульхерия Ивановна, его – Афанасий Иванович. Живут они душа в душу, семья у них, можно сказать, образцовая, но образ жизни, конечно, глубоко старорежимный, предосудительный: спят и едят – более ничего.

– Это прямо как наш районный уполномоченный, – замечает кто-то, и все смеются; если районный уполномоченный присутствует на «концерте», он недовольно кашляет в лодочку из ладони.

– И вот поди ж ты! – говорит Павел, выкатывая глаза. – Оказывается, что при всем этом они ужасно симпатичные старички! Он такой дородный, юморист, – Паша лицом и фигурой изобразил дородного юмориста, – а она: маленькая, пугливая, добродушная старушонка, – Паша и старушонку изобразил. – Он все время её страшит: «А что, – говорит, – если наш дом загорится? Куда мы с вами, Пульхерия Ивановна, денемся?» Она ему: «Всё-то у вас, Афанасий Иванович, глупости на уме...»

Далее Павел во всех подробностях передает содержание «Старосветских помещиков» и при этом так живо изображает то старосветских помещиков, то серенькую кошечку, то приказчика-проходимца, что односельчане следят за ним, раскрыв рты. В заключение он приступает к анализу идейной стороны дела:

– Впрочем, это все, как говорится, сюжет, который у плохих писателей всегда имеет самостоятельное значение. Но большие писатели относятся к сюжету только как к орудию производства, а вообще они всегда норовят посредством его что-то сказать. Что же говорит нам Николай Васильевич Гоголь? В данном конкретном случае он нам говорит, что вот вроде бы люди только и делают, что спят и едят, а следишь за их жизнью, и от жалости наворачивается предательская слеза. Потому что люди-то хорошие, добродушные, а и жили как дураки, и умерли как дураки из-за того, что верили в предрассудки. Не то время, не то окружение – и пожалуйста: из жизни получается анекдот! Причём я считаю, что эта тема злободневна и в наши дни в том смысле, что если бы я, например, родился в Костроме, а не в нашей злосчастной Степановке, то в области чтения я наверняка вышел бы в большие специалисты.

– Гоголь вон тоже в деревне родился, – с ядовитым выражением скажет районный уполномоченный, если он присутствует на «концерте», – и тем не менее достиг выдающихся художественных результатов. Так что – спокойно, товарищ Зюзин!

– Да, но ведь у него были культурные родители! – горячо возражает Павел. – Они понимали, что к чему. А моя мама Нюра, которая сроду не знала, с какой стороны книга открывается, в одиннадцать лет приставила меня к вилам! В этом смысле меня только одно окрыляет: какое художественное произведение ни возьми, везде у людей невзгоды, везде что-нибудь, да не так! Вообще страшная штука – литература. Вот вы, товарищи, пашете себе, поднимаете надои и в ус не дуете в остальном – и, наверное, правильно делаете, – но только литература нам тем не менее показывает: почему-то жизнь всё ещё не так прекрасна, как того заслуживает человек. И даже более того – жизнь, это сплошная недоработка. Не знаю, как вы, а у меня сердце кровью обливается, как подумаю, что жизнь – это сплошная недоработка. Ведь полторы тысячи лет существует наша преподобная нация, а всё-то у нас так или иначе наперекосяк. Ох, тяжело мне, товарищи, исключительно тяжело!

– А вот это уже злобное очернительство! – восклицает бухгалтер Ковалёв. – Ты давай, Павел, сворачивай свою лавочку, а то я на тебя в район настучу.

– Ну, настучи, – смиренно говорит Павел, и все расходятся по домам, несколько пришибленные тёмными Пашиными словами.

1989

Игорь Куберский (род. в 1942 г.)

Cogito ergo sum...¹

Мыслию, следовательно, существую

Есть люди-муравьи, они всегда в работе – и
чуть только рассветёт, уже тропой бегут
и пашут целый день и все при деле вроде,
не ведая, зачем их муравьиный труд.

Куда они спешат? Что там в конце такого,
к чему они должны, кровь из носу, поспеть?
Или безвиден дух и не родилось слово
и мыслить — все равно что лечь и умереть?

*не
могут?*

— / — / — / — / — /

— / — / — / — / — / — /

— / — / — / — / — / — /

— / — / — / — / — / — /

— / — / — / — / — / — /

¹ Мыслию, следовательно, существую. (Другой вариант перевода: Я мыслю, следовательно, я есмь).
Высказывание принадлежит французскому философу Рене Декарту (1596-1650).

одно из ключевых произведений эпохи сентиментализма – «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина. Вот как описывают концепцию выставки ее организаторы: «**Первый зал**, “комната Лизы”, посвященный восклицательному знаку, – зал восхищения. Всё в нём наполнено предметами восторга юных дев: изящная мебель, изысканные дамские вещицы, книги, гербарии. **Второй зал** – зал вопросительного знака – удивит новыми словами, появившимися в русском языке с приходом сентиментализма, уникальными книжными изданиями XVIII века, картами, дорожными принадлежностями... **Третий зал** посвящён тире и недосказанности, а оформление **четвёртого зала**, многоточия и меланхолии, отсылает к пруду Симонова монастыря».

Представьте, что вы – один из кураторов следующей выставки, которая будет посвящена русскому футуризму. Попробуйте придумать её концептуальное решение: с какими знаками препинания вы свяжете оформление залов (пусть их будет 2–3)? Почему? Какие экспонаты вы в них разместите? Назовите 4-5 предметов, которые вы планируете выставлять, кратко поясните, каково их значение и назначение на выставке. При написании текста исходите из того, что он будет размещён на сайте музея в качестве «афиши» (анонса) выставки и адресован всем её посетителям.

Примерный объем ответа – 200 слов.

Задача 5.

«Русский футуризм»

ПРЕПИНАКИ
И
И
Я

K₁ - 6

K₂ - 1

K₃ - 10

K₄ - 3

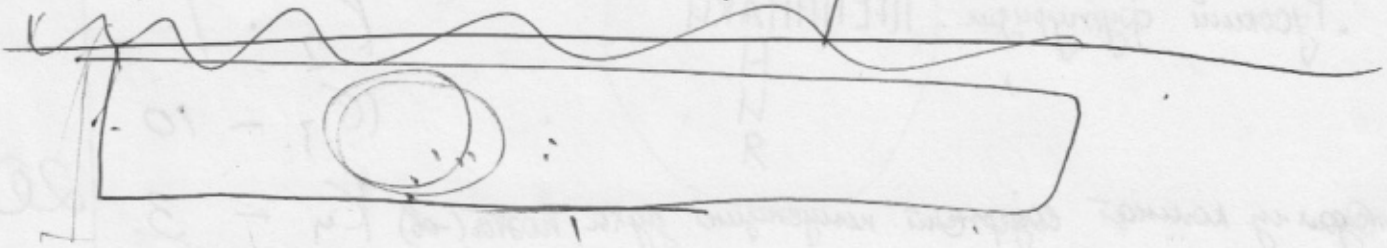
20

Каждый из залов содержит концепцию духа поэта (-ов) Юрия Зитесь в атмосфере футуризма!

Первый зал «комната Пастернака», посвящённая слову поэта и его времени. Вся комната насыщена импровизированными символами (символика у Пастернака, наиболее часто встречающаяся в его произведениях), на окнах решётки как символ, пиенное и работница, не предающиеся ему. Посередине комнаты огромный стол с зажёжённой лампой. Исходя из всего вышесказанного, из всех речений, зал посвящён именно теме - замкнутости, келье секретности, в утверждении своему слову.

Второй зал, «комната Маяк», посвящённая, собственно, кавакам. Этот зал имеет комнату удивительно-романти (символ близости к окружающему). В нём можно увидеть, едущих из писем (Лилитке), а на стене висит календарь как бы с заметкой самого поэта - «сегодня день делающей». На стенах висят «любят» - фотографии с изображением любви русского народа (от материнской ро страстной)...

Третий зам, на камешной фигуринке, посвящен Крученом и Хлебникову.
Знак представляет - точка с запятой, это символизирует дуализм их произведе-
ний. Каждое из стих-ий и Хлебникова, и Крученом можно прогнать - понять - открытость.
В некоторых только в конце понимаешь, что нужно было читать снизу вверх. Таким
образом точка, конец которой символизирует законченность мысли, и пред-
лагается запятой, символизирующей продолжение, буквально это можно читать так:
"Это еще не всё! Это еще не всё поняли!" Главными предикатами этой композиции
является выпуклая морда лица, выпирающая из-за стены. Это и есть та
самая "стена из каких-то соответствий", извне протиснувшись можно по-
учо". Но на самой стене было расположено вероверие этих самых соот-
ветствий (вероверие как символ оборачивающей Фрэнкини Александр Крученом) -
слова, самые разные, раздвоенные без какой-либо помощи потопили или, наоборот,
собранные путём сменения семантики (как "мораль", "мораль" и "мучь",
от слова "мор" - смерть, у Хлебникова). На другой половине камня, обвисая с потопа
на висит аэриан (символ дуализма стих-я Хлебникова в виде аэриана), где на
котором написано много раз подряд раздвоенное "не до" (символ стороны, куда летит
аэриан в зависимости от того как читать стих-е). Если аэриан летит вверх - то будет
казаться, что тот вот-вот приблизился к небу (о нем ведь мура парит), если вниз - то "небеса
разверзлись", не до разделено, оно буквально, ухерит.

Задача №4

K1 - 25
K2 - 3
K3 - 4
K4 - 5 (27)
K5 - 1 (27)

Качественной анализ
стихотворного произведения.
Морф кудберний
"Cogito ergo sum..."

O fallacem hominum spern!

Мог люди-люди? Кто мог? Конечно, мог приобщиться себя к виду homo sapiens (с недавнего времени). Вот как мы себя завышаем! Вот как мы себя... превозносим. Но бы ли?

Первое, что мы замечаем - название. Одна только читается. Делать, как раз взятая за название, образует пространство-связь-методу прошлым и настоящим, общность поставленных вопросов. "Могли, следовательно, существуют..." Не раз эта афоризм будет сводить нас к тому. Тогда ты можешь - ты существуешь, т.е. имеешь право на жизнь? Главная постановка в 1-ой главе, значит, существует некое "я", кто-то говорит нам, намётывает. Кто-то существует.

Кто бы это ни был, он явно ведет людей на чужд/ими полагая это сделать). Мог, первое - муравьи. Они волевают в словах "судьи" никаких, гадания или глупости существовали. Мог знает, сначала появилось слово, но люди-муравьи не понимают и его. Они просто есть, в какой-то оболочке. Первое 2 строфы о людях-муравьях - самая то ни на что оппозиция говорящему: "могли-все равно, что иль и умереть" в разрез с "могли, следовательно, существуют". Ещё одна примечательная часть, здесь все, вопрос: "что там в конце толку?" Слова, в каком конце? Концу их трот? Или жизни? Но как они могут жить, если не в состоянии мысли? Живы ли они вообще? Чужда получить ответы нечем за мыслью пера думать.

Люди-маляки. Но то то, малк-сознание для освещения морального пространства для ларендатель ИИИ иногда сшибен новой надеждой для уже отпавшихся. Здесь же люди-маляки звучат в совершенно непривычной форме. Тут предпринимается оригинальнейшее значение не самого й семантике слова, а её синтезу в рамках стих-ин для портретирования мысли нашего тайного пера. Как уже было сказано, малк служит как по его материальному значению, так и духовно. В строфе мо видишь, то люди-маляки, как муравьи, имеют свой труд, но в то же время их труд - это некая философия жизни. Люди-маляки оказываются на мал бинтсе к жизни, "малью воспарив", оказавшись уже не на земной тропе, как муравьи, а в "неземном полёте". Получается, что они, когда пытаются думать, понимают, то "получить себя или". Значит, "могли не только существуют - могли, значит, знаю о смерти.

Следующий вид людей - это "те, кто ничего не требует от жизни". Такие люди - существуют, потому что уметь пользоваться жизнью, они вправе владеть, кем или бог в "тире жизни" - стремком или целью. Такое соотношение настаивает на амплитудности стих-а: вспомним Пушкину Барсалау и её "Восток", где мы решаем и о том, бог ли нам горничная или гонимая. То было отношение, как гармоничный круг - и есть круг жизни. Теперь же тот же круг - в тебе стремят снова и снова, либо стремимся то сам. Присутствие выбора делает шведка шведкам. Однако предостережение стих-а заставляет нас задуматься: а можно ли "в жизнь свою играть"?

Далее идет группа людей, печальную, отравляющую наш мир и даже. Это тип людей приносят в жизни других людей, а не существуют сами по себе, как те, о которых мы говорили ранее. Но они же. "Войдут и уйдут зарывшись за собой", что и является на мысль, о том, что такие люди могут как прийти, так и уйти. Однако здесь же появляется символ - окно, богатое закваской. Они слышат и могут пойдти за часами света, к которому мы еще вернемся.

Итак, люди "полумогими", они наделены не только мыслью, волею, но и рекою. По традиции мой наблюдатель, что "полумогими" буквально видят или наводят свободно говоря это о природе, хоть о Волге и конце? Что же природа здесь и что, как автор играет, говоря, что "на речке взор" так, будто это обогная констатация: сонно или пассивно. Но это их предназначение в жизни. Они как и автор стих-а (или неизвестной, я) способны стремь рашии пространства или увидеть то самое "безвременье". Однако как только "разговор" приобретает волевой характер, мы замечаем целое всплески стиля, изменяемого на плот же высокий. Анафора и ассонанс на букве "о", что не является совпадением, указат страсти невероятно уверенного пения. Подобно тому как в церкви превозносятся Воруга, мы ставим на один уровень вопроса о Его думам и "о таинстве в конце, о чужом без конца". Что же получается? "Полумогими" знают, что ждет тех, кто мыслил - их ждет темнота, но и они вопрашат: "как странно бог говоришь ро сих пор".

Валтогески, существовать мелкая целота: мысль не велика, но пока она есть - то жест; мысли есть нет - то бродим ро конца, до самой темноты, это муравьи, и жгли обже матери их ползущей (они ближе всех к земле); мысль есть или мысли нет - грусть велика, "грусть без конца". Но мы всё ещё не понимаем, кто стоит рядом с нами и говори нам все это.

Последние люди - люди-загадки. Говорющий "я" так убежден в их цели, что точно знает, что мы для них - амалоретот, отшельники. Мы не верим с ними разговар, они похожи на "полумогими", поэтому или слотом даже роит мажорные (об этом говорит множество, расепазтик будто замыкается, говоря о том, какие они). Эти люди знают ответ на все вопросы, но они не видят. Достаточно взглянуть на ребенка: мы протягиваем от них в темноту, такой принять себя, бог созидает себя, "младост" вспоминать, мо лишь до того времени, пока не погаснет свет. Анафора темноты и света не

просто существует, но и является пространственным октаграммом. Мог, находясь в тени от неких людей, не встретиться с ними, пока не покажется свет, тогда как как может показаться свет там, где его нет?

Люди - поумножились и люди из последней группы вконец противопоставлены друг другу, будто бы там и есть свет и тень. Одни являются нам сами, другие только во время, когда покажется свет. Поумножились говорят пока не зная самих и насоборят. Но и в тех, и в других есть что-то от Творца, от Восхода. И только они приходят к нам, тогда как с теми, кто мителю не требует от света, например, делается свет, это именно "я с одним из них вот некая знаменитость".

И тем не менее, если мог видим, кем являются люди, ирационе в жизни, то по-настоящему ирационе - поумножились. Они знают истину и волю, они могут дать народу, а могут ее забрать. Теоретически, если поумножились говорят с нами, пока ещё есть свет, то последние к нам приходят через ту самую заботную дверь. Они те, с кем мы определяемся в себя, перестаем любить, величинать. Уже не существует гурьб-ма умираем. Но это сон, ведь с рассветом мы снова уходим в тень.

С рассветом. Поумножились, тогда же, когда и ирацион спешат куда-то, но уже знаем, в тень. И тут приходит, наконец, обитание всаму.

Все перечисленные типы людей живы, а потому и существуют, не зря говорящий постоянно, с некоторым мовом видом говорит "есть". Как сказал Декарт "я есть", мы можем над этим, но "есть". Истинно тот мов с ирационем выбран как раз для того, чтобы мы "сумели" то, что нам рассказывает о людях. Но все эти люди - не один ли это человек? Весь мов наш умам: с ирационем вставших на рассвете, до перемещений, приходящих во тень. Но ведь с самого начала это говорящий "я" уже знает, о чём говорит, намечая через ирационем, ирационем к кому. И снова спираются рамки пространства: рассвет - день - закат - ночь. И так по кругу! Это снова вечный круг жизни. Намётованный совещением в орнаментах стихотворениями чужие-в-гасях, охотно подвергая, то мы раньше человек мотелит тем раньше он заходит в мовное порождение. А, как мы договариваясь, на мовные порой бабают быть тенью.

Можно бы предположить, что в образе, наконец, неизвестно зашифрована некая синкретическая форма. Вроде "я" - это Декарт, который и сказал эту фразу "я мысли", а вроде "я" - это великий мов. Но всё-таки говорящий более всего близок к образу самим можем, будто она и есть, говорящая, звучащая, обитательная. Именно она и знает всё то, что происходит здесь и сейчас, мовно существует вне пространства и времени, поэтому когда речь заходит о "поумножились" и неизвестных, она занимается, ирационем, ведь она ей ирационем: один способ видеть этот "безвременный мов" другие сами являются на равном времени. Но в мовных у мовных, а моваль в мовных мовных.

здесь не ставится вопросов о заслуженности или незаслуженности
человека, "порядок", как мы думаем в начале. Мы рассуждаем, потому
что мыслем - потому что живём. И дальше по кругу все будет рассуж-
дать и искать истину. Только вот, кто остановится на пошлом, а кто на му-
равье решит мысль наша. Тогда мы даём ей ^[модели] надежду, ~~мы~~ но независимо
даём себе самим себе. От рассвета до заката - мы люди, люди земли и простран-
ства, не перестаём верить в мысль, потому что живём, потому что мысли. Я есть.

[1] - О обманчивая надежда человека!

[2] - Человек руками руками